

Алекс Хариди

Дом напротив

Перевод со шведского Евгении Савиной

Москва KompasGid
издательский дом

2018

УДК 821.113.6- 053.6

ББК 84(4 Шве)-44

X20

Макет и обложка — Александр Васин (Groza.design)

Хариди, Алекс.

X20 Дом напротив : [для ст. шк. возраста : 16+] / Алекс Хариди ; пер. со швед. Евгении Савиной ; [макет и обл. А. Васин (Groza.design)]. — М. : КомпасГид, 2018. — 288 с. — (YA).
ISBN 978-5-00083-475-6

Дом напротив пустует уже много-много лет. Джоэль знает совершенно точно: от его крыльца до двери этого пугающего здания — семнадцать метров. Перебежишь дорогу, потянешь за позолоченную ручку в виде львиной лапы — и окажешься внутри. Если осмелишься. Дом словно проклят с тех пор, как оттуда исчез 13-летний Джонатан Андерссон.

Джоэль обходил это место стороной всю жизнь, но когда ему самому исполнилось тринадцать, решил зайти внутрь. Тот день, когда он, его друг Калле и подруга Молли разбили окно заброшенного дома и прокрались в подвал, изменил жизнь героя раз и навсегда. Он понял это сразу. И понял ещё, что обязан рассказать историю дома напротив — это шанс выиграть в национальном конкурсе школьных сочинений.

Персонажи Алекса Хариди — обыкновенные подростки: болтаются без дела по улицам, ссорятся с родителями и сёстрами, влюбляются, ищут приключений на ровном месте. И лишь то приключение, которое они в итоге находят, выбивается из их повседневности. Фантастическое, страшное, вдохновляющее, какое угодно — но только не обыкновенное.

«Скандинавский Стивен Кинг» или «продолжатель традиций Харпер Ли»? Ни то, ни другое — при всей справедливости ассоциаций! Алекс Хариди — известный шведский кинорежиссёр, его любимые жанры — детектив, нуар, триллер, психологическая драма о взрослении. В своём дебютном романе «Дом напротив» он соединяет их все — и создаёт глубокий текст, от которого невозможно оторваться, сколько бы лет вам ни было.

Серия «YA» (young adults) продолжает любимую читателями «КомпасГид» коллекцию «Поколение www.». В начале 2010-х она стала широко известна благодаря таким обсуждаемым романам, как «Скажи, Красная Шапочка» Беате Терезы Ханики и «Притворяясь мёртвым» Стефана Касты. Запущенная в 2010-м, та подборка была первой в России, ориентированной на аудиторию young adult («молодых взрослых»), и теперь линейка расширяется под новым названием. «YA» объединяет книги, которые могли быть написаны только в наши дни, — острые, дерзкие, злободневные романы-вызовы для читателей от 16 и старше. Оформил серию известный дизайнер, сооснователь фестиваля Turomania Александр Васин.

УДК 821.113.6- 053.6

ББК 84(4 Шве)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published as Huset mittemot by Alex Haridi

First published by Bonnier Carlsen Bokförlag, Stockholm, Sweden

Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Rights, Stockholm, Sweden and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Alex Haridi, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

ISBN 978-5-00083-475-6

Бьёрну. Кларе

Пролог

Бывают истории, которые никогда не наскучит рассказывать, пусть даже все уже слышали их по многу раз. История о Джонатане Андерссоне именно такая. В Уддвикене не было ни одного ребёнка, который не знал бы её, и всё же она не переставала будоражить воображение. История эта короткая и не особо мудрёная. Вот она:

«19 октября 1992 года Джонатан Андерссон вернулся домой из школы на велосипеде. Он съел свой обед и сделал домашнее задание. Потом поднялся на чердак и повесился. Ему было всего лишь тринадцать лет от роду».

Это — факты. Всё произошло именно так и именно в таком порядке. Но дальше история начинала обрастать многочисленными подробностями, и каждый новый рассказчик норовил придумать свою версию произошедшего.

Одни утверждали, что Джонатан завёз свой велосипед в гараж, другие же считали, что он оставил его на лужайке перед домом.

В зависимости от личных предпочтений рассказчика обед Джонатана мог состоять из чего угодно, начиная от хрустящих хлебцев и заканчивая овсянкой, супом из шиповника и вафлями.

Некоторые без колебаний заявляли, что Джонатан, поев, вымыл за собой посуду, в то время как другие были твёрдо уверены в том, что он оставил грязную посуду на столе и, когда его нашли повесившимся на верёвке двумя этажами выше, кухня выглядела так, будто в неё угодила граната.

Даже то, какое именно домашнее задание сделал Джонатан перед смертью, порой тоже становилось причиной ожесточённых споров на школьном дворе. Но все как один утверждали, что, конечно же, это была математика. Как частенько говорил Калле Джоэлю, когда заходил разговор про Джонатана Андерссона: «Если и есть предмет, из-за которого мне самому порой хочется повеситься, так это математика».

Разговор о Джонатане Андерссоне заходил чаще, если Джоэль был поблизости. И не удивительно, ведь он жил как раз напротив ворот дома, в котором повесился Джонатан. Из окон комнаты Джоэля на втором этаже открывался вид на богатую виллу из красного кирпича с побелкой, построенную в конце девятнадцатого века. Лестница из трёх ступеней вела на веранду с двумя римскими колоннами, а на белой входной двери висел массивный дверной молоток в виде позолоченной львиной лапы.

До 19 октября 1992 года во всём Уддвикене не было дома больше и красивее, чем этот. Теперь же это были руины. Пустая оболочка былой роскоши, прятавшаяся в диких зарослях сорняка, заполонившего весь двор и сад. Трава здесь вымахала такой высоты, что при малейшем дуновении ветра её прижимало к земле, а красный кирпич на нижней части фасада едва выглядывал из-под никогда не высыхавшей лужи дождевой воды, которая скапливалась, сбегая из сломанной водосточной трубы во время грозы.

Никто не жил здесь. Никто не жил в этом доме уже много лет, поэтому его прозвали Заброшенным Домом, и все в Уддвикенской школе знали, что над этим местом тяготеет проклятие.

Дети осмеливались бродить только вдоль кованой железной ограды с внешней стороны сада. Некоторые

смельчаки, кто постарше — девяти-десяти лет, — забежали за ограду, добежали до дома и, прикоснувшись к кирпичной стене, мигом мчались обратно. А уж о том, чтобы постучать в дверной молоток, даже речи не шло.

Джоэль впервые сделал это в семь лет.

Конечно же, это была идея Калле — только ему в голову могла прийти подобная мысль. В один прекрасный день Калле на перемене заявил, что пришло для этого время, — а когда Калле говорит, что для чего-то пришло время, то так оно и есть.

— Это же твоя идея, — сказал Кристофер. От волнения его голос дрожал, но Калле был безмятежен.

— И что? — только и спросил он.

— ДА ТО! Значит, ты должен идти первым!

Джоэлю, Калле и трем их одноклассникам — Кристоферу, Сэму и Томасу — потребовалось минут двадцать, чтобы пройти от школы до Зброшенного Дома, и ещё по меньшей мере столько же времени ушло на перешёптывания и ругань в кустах у ограды.

Покидая школьный двор, все были твёрдо уверены в том, что первым пойдёт Калле (потому что это была его идея), затем Джоэль (потому что он был оруженосцем Калле), следом Сэм с Томасом (потому что они всё всегда делали вместе) и, наконец, Кристофер (если тот не улизнёт раньше); но теперь Калле отказывался быть первым.

Слишком испуганным он не выглядел — скорее, наоборот, забавлялся происходящим. Заставить его пойти первым или каким-либо ещё было невозможно — Калле никогда не вёлся на поводу у других. И больше всего это раздражало Кристофера.

— Так ты трус, да? — прошипел он.

— А ты? — спросил Калле и так издевательски-нежно улыбнулся Кристоферу, что тот окончательно вышел из себя. — Я всегда иду первым, пусть теперь кто-нибудь другой идёт вместо меня.

— Тогда Джоэль! — крикнул Кристофер и ткнул пальцем в Джоэля, который не проронил ни слова с тех пор, как они покинули школу.

В отличие от Калле Джоэль боялся; вот только не Зброшенного Дома, а того, что скажет мама.

Он ненавидел делать то, что могло заставить его маму разочароваться в нём. А это обязательно случится, если она узнает, что они тут замышляют. Но Калле бы тоже разочаровался, если бы он не пошёл с ним, поэтому Джоэль успокаивал себя мыслью, что, может быть, мама ничего и не узнает. Страх, правда, всё равно не отступал, и с каждой минутой, пока они стояли тут и трепались, становилось только хуже.

Напротив — ворота его собственного дома. Неподалёку возятся в своих садах соседи. Из окна может выглянуть мама. И если они ничего не предпримут в ближайшие пять минут, его застукают. Не кого-то, а именно его.

— Не, — мотнул головой Калле, — не Джоэль. Ты пойдёшь первым.

— Можно жребий кинуть, — предложил Сэм, не любивший ссориться.

— Да, камень, ножницы, бумага, — поддержал друга Томас.

Кристофер вскипел.

— МЫ НЕ БУДЕМ БРОСАТЬ ЖРЕБИЙ!!! ЭТО БЫЛА ИДЕЯ КАЛЛЕ, И ЕСЛИ КАЛЛЕ НЕ ПОЙДЁТ ПЕРВЫМ, ТО Я ИДУ ДОМОЙ!

Джоэль всем сердцем пожелал, чтобы Кристофера поскорее сдуло отсюда. Тогда, возможно, всё отменится. И никто не будет разочарован. По крайней мере, в нём.

Кристофер не ушёл.

— Я собираюсь ВСЕМ рассказать, какой ты трус, — угрожающе прошипел он, но Калле продолжал выглядеть всё таким же безмятежным, как и раньше. Ситуация зашла в тупик.

Почти не отдавая себе отчёт в том, что делает, Джоэль вскарабкался на ограду, перекинул ноги на ту сторону и спрыгнул в высокую траву. Он обернулся и посмотрел на друзей. Всё, чего ему сейчас хотелось, — чтобы они перестали, наконец, ругаться и последовали за ним; но на их лицах он увидел совсем другое — он увидел, что должен умереть.

Если бы можно было сбежать отсюда, он бы обязательно это сделал, но теперь уже поздно. Если он сбежит, его до конца дней будут считать трусом.

Он снова посмотрел на Калле, и Калле улыбнулся ему. Не насмешливо, как Кристоферу, а ободряюще. Джоэль глубоко вздохнул. И шагнул.

Ноги были как свинцовые, но взгляды мальчишек за оградой жгли ему затылок, и он приказал себе идти вперёд. Сначала направо. Потом налево. Снова направо. Дом приближался. Внутри, за грязными стёклами окон и опущенными жалюзи, его ждал мёртвый тринадцатилетний подросток.

Джоэль уже представлял себе, как затрясётся весь дом, когда он ударит в дверь львиной лапой. Содрогнётся земля, его дрожащие колени подогнутся, и он провалится в разверзнувшуюся пропасть. Земная твердь поглотит его, и он навсегда исчезнет из этого мира. А виноват будет только он. Никто же не заставлял его тащиться сюда.

Джоэль попробовал идти по тропинке медленнее, но дверь приближалась к нему с одинаковой скоростью, независимо от того, как быстро он шёл. Как будто дверь

сама стремилась к нему, а не наоборот. Наконец он почувствовал под ладонью металл и понял, что он у цели. Дверной молоток был теплее, чем ожидалось. Он не был холодной, безжизненной вещью, он пульсировал. Не могла же его собственная кровь так пульсировать в скрюченных пальцах? И не могло же его собственное сердце так тяжело ухать в груди?

На какое-то мгновение Джоэль почти поверил, что сейчас свалится в обморок. Он оглянулся на ребят, надеясь, что они скажут ему, что с него уже хватит, ему больше не нужно ничего доказывать.

Но они молчали — и он ударил.

Раз. Два. Три.

Это был самый громкий звук, который Джоэль когда-либо слышал. Следом упала тишина, и это было ещё ужаснее. Она плотным коконом окутала его, и он позабыл, что в мире есть ещё какие-то звуки. Исчезли щебет птиц и шум автомобилей. Стих ветер, и перестала шуршать листва. Не было слышно даже его собственного дыхания.

Он понял, что не дышит, и, с усилием выдохнув воздух, наполнил лёгкие свежим кислородом. Уф-ф, и что ему делать дальше? Наверное, должен быть какой-то знак?

Беззвучно зашевелились губы Калле. «Беги», — прочитал Джоэль, но не сдвинулся с места. Он ещё не понял, чем же всё должно закончиться. Где землетрясение, где пропасть, а самое главное, где мёртвый подросток?

Мысль о том, что все его страхи напрасны, казалась настолько чужой, что ему потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к ней. Волнение сменилось спокойствием. И затем — возбуждением: он сделал это! Он ударил в дверной молоток, и с ним не случилось ничего ужасного.

Только Джоэль успел так подумать, как дверь распахнулась и на улицу выбежала женщина. Это была не дверь

Заброшенного Дома, а дверь его собственного. А женщиной была его мама. Тремя большими шагами она пересекла улицу и схватила сына за шиворот.

Она высказала ему всё то, чего он так боялся. Что он никогда не должен был приходить сюда. Что она была о нём лучшего мнения, но, очевидно, ошибалась. Что она *разочаровалась в нём*.

Пока мама тащила его домой, он краем глаза увидел, как Кристофер и Сэм с Томасом удирали вниз по улице.

Но не Калле.

Калле, оставаясь на месте, провожал Джоэля взглядом до тех пор, пока за ним не захлопнулась дверь.

Джоэлю на целый месяц запретили гулять и смотреть телевизор, лишили карманных денег и сладостей по субботам. Такое количество запретов за раз для семилетнего мальчишки казалось сродни смертному приговору. Этот месяц стал самым долгим в жизни Джоэля.

Единственное, что делало его жизнь чуть более сносной, было то, что на несколько недель он стал настоящим королём школы. Даже ученики постарше приветствовали его восхищёнными возгласами, когда он проходил по коридорам.

Единственным, кто оказался этим недоволен, был Кристофер, но, после того как Калле пригрозил побить его, если тот не угомонится, Кристоферу пришлось смириться.

Через какое-то время всё пришло в норму. Джоэлю разрешили смотреть телевизор и есть конфеты, и все в школе забыли, что какой-то первоклашка сделал то, чего не осмелился бы сделать даже четырёх- или пятиклассник.

Забыли все, кроме Джоэля; уж он-то больше не приближался к Заброшенному Дому. Пока не прошло шесть лет.

Пока ему не стукнуло столько же, сколько было Джонатану, когда тот умер. И всё, что произошло дальше, случилось в сентябре-месяце на четырнадцатом году жизни Джоэля. К тому времени он перестал понимать, почему все вокруг продолжают повторять историю про Джонатана Андерссона, ведь это же только пустой трёп.

Но, возможно, историю повторяли именно *из-за* недостатка ответов, а не *вопреки* ему. Наверное, все думали, что вот пройдёт какое-то время и всё встанет на свои места.

А пока Джоэль иногда ел что-то другое на обед, иногда делал другое домашнее задание, но казалось невероятным, что всё рано или поздно закончится другим, понятным, концом. Концом, который всё объяснит.

Со временем Джоэль узнал то, чего не знал никто другой. Он узнал, какой на самом деле был конец у этой истории.

Часть 1

Город, построенный на консервных банках

— Джоэль?

— Ш-ш-ш, — зашипел Джоэль, не отрывая взгляда от книги.

— Мне скучно, — шёпотом пожаловался Калле, но это не произвело ровным счётом никакого впечатления на его соседа по парте — Калле всегда было скучно. Иногда Джоэль игнорировал его (на шведском), а иногда нет (на всех остальных предметах). Сейчас был урок шведского, и Калле уже весь извёлся, ёрзая на стуле.

Джоэлю шведский язык нравился. Ева была моложе, чем другие учителя, и в отличие от них она любила своих учеников. Порой Джоэлю казалось, что его она любит чуточку больше, но уже при одной мысли об этом у него каждый раз начинали гореть уши, и он запрещал себе так думать. Кожа у него была тонкая, почти прозрачная, и, когда он краснел, видно было за километр.

Калле не сдавался. Он покосился на кафедру, за которой стояла с книжкой Ева, и, убедившись, что она не смотрит в их сторону, принялся щипать Джоэля за бок.

Джоэль отвернулся. Он попытался не рассмеяться — и ему это удалось, попытался не улыбаться — это у него тоже получилось. Три раза он готов был сдаться и захохотать в голос, и все три раза ему удалось сдержаться, но тут

Калле схитрил и принялся его щекотать. Джоэль круто отклонился в сторону и, не удержавшись, вместе со стулом вывалился в проход.

— Хватит! — произнёс он одними губами и посмотрел на Еву, но она была так увлечена своим романом, что ничего вокруг не замечала. Зато заметила Молли Викторин, сидевшая перед ними. Она повернулась и сердито уставилась на Калле.

— Вообще-то, — едко заметила она, — некоторые действительно пытаются читать.

Калле рассмеялся. Бог мой, Молли Викторин просит их не болтать. Это всё равно как если бы работник мусорной свалки пожаловался на то, что от кого-то несёт помойкой. Калле надавил языком на нижнюю губу и, скорчив дебильную рожу, передразнил:

— *Некоторые действительно пытаются читать.*

— Если не перестанешь кривляться, я тебе устрою, — пригрозила Молли.

— *Если не перестанешь кривляться, я тебе устрою,* — пропищал Калле.

— Хватит! Закрой пасть!

— *Хватит! Закрой пасть!*

— Болван, ты что, сам не понимаешь, что мешаешь?!

— *Ты что, сам не по...*

Закончить он не успел, потому что Ева сделала им замечание.

Калле заткнулся, и Молли отвернулась, наградив его напоследок взглядом, полным презрения. Сидевшие по обе стороны от неё сёстры-близнецы Дженнифер и Натали сделали то же самое.

Ева не сразу вернулась к чтению. Лишь убедившись, что Калле ведёт себя достаточно прилично и не пытается затеять что-то ещё, она перевела взгляд на часы

и констатировала, что последний урок на этой неделе почти подошёл к концу.

— Вы можете закрыть книги, — начала она, но её дальнейшие слова потонули в шуме и грохоте.

Калле был уже на полпути к двери, когда учительнице удалось перекричать класс.

— Мы ещё не закончили! — надрывалась она. — Немедленно сядьте и займите свои места! ЗАЙМИТЕ! СВОИ! МЕСТА!

Калле с неохотой поплёлся обратно к парте.

— Прежде чем вы уйдёте, мы должны кое-что обсудить, — сказала Ева.

— А это надолго? — спросил Калле.

— Зависит от того, сколько раз меня перебьют.

В классе воцарилась тишина.

Двадцать восемь пар глаз недовольно взирали на Еву, пока она рассказывала о конкурсе сочинений на заданную тему, который пройдёт среди семиклассников по всей стране. Единственная, двадцать девятая, пара глаз, в которой читался хоть какой-то интерес, принадлежала Джоэлю.

По части сочинений Джоэль был одним из лучших в классе. Ну а когда Ева сказала, что она лично выберет победителя в их школьной параллели, то Джоэль понял, что этим победителем должен стать именно он. Когда же Ева добавила, что дальше сочинение будет отправлено на рассмотрение конкурсного жюри, которое определит победителя по стране, то даже и тут он подумал, что вполне могут выбрать его. Если его сочинение будет лучшим в Уддвикене, то почему бы ему не быть лучшим в стране? Если его признают самым талантливым тринадцатилетним писателем Швеции, то в этом не будет ничего удивительного.

— А что получит победитель? — спросил Калле. Шансов выиграть у него было ровно столько же, сколько

у черепахи — взлететь, но он всё-таки хотел знать, ради чего стоит напрягаться.

— Славу, — сказала Ева и тут же увидела, как порвалась последняя ниточка, на которой ещё кое-как держалось внимание учеников. Скажи она, что это будет кило конского навоза, эффект был бы тот же. Ева сдалась и пообещала, что все смогут покинуть класс после того, как запишут тему сочинения.

— У вас есть целая неделя для работы, — продолжая объяснять, Ева писала что-то на доске. — Всё, что вам нужно, — это обдумать на выходных, о чём будет ваше сочинение.

Почти все ребята, чтобы выиграть драгоценные секунды, уже приподнялись над стульями, готовясь бежать, и перекрыли Джоэлю всю доску.

— Чёртов предмет. Ну и темку придумали, — пробормотал рядом Калле, небрежно черкая что-то в тетради. И тут же сорвался со своего места и стремительно вынесся из класса, не дожидаясь никаких там «спасибо за урок» или «приятных выходных», и все последовали за ним.

Остался только Джоэль. Он наконец смог прочитать то, что было написано на доске: «КОГДА ТЕБЕ ТРИНАДЦАТЬ».

Заботливо выводя каждую букву в тетради, Джоэль подумал, что отчасти Калле был прав: «темка» оказалась из разряда головоломных. Одна из тех смутных, неопределённо-личных тем, которые всегда выбирают для подобных сочинений. Джоэль считал, что гораздо интересней, когда есть простор для фантазии. Но тут он понял, что если мечтаешь стать лучшим тринадцатилетним писателем Швеции, то хочешь не хочешь, а придётся написать что-нибудь выдающееся. Хотя понятие «выдающееся» — это точно не про него.

Потому что Джоэль был обычным. Он не носил странную одежду, не занимался ничем особо интересным в свободное время и слушал ту же музыку, что и все остальные.

У него была сестра, но у кого её нет?

Его мама развелась и жила без мужа, но никого в Уддвикене это не удивляло.

Родители Джоэля были совсем молоды, когда встретились, молоды, когда у них родился ребёнок, и ещё молоды, когда его папаша вдруг решил, что здесь он, по его собственному выражению, «теряет самого себя», и умчался на юг страны, надеясь обрести себя там.

Обычно Джоэль не переживал на эту тему. Его семья состояла из мамы, сестры и его самого. Обычная семья.

Необычным был только их адрес.

Если бы два человека, один из которых не знает Джоэля, начали бы разговор о нём, то выглядело бы это примерно так:

- Вы знаете, что Джоэль...
- Это который Джоэль?
- Да тот, который живёт напротив Зброшенного Дома.
- А-а, *тот самый* Джоэль...

Он захлопнул тетрадь и увидел, что Ева смотрит на него.

— Интересно, что у тебя получится, — сказала она. — Тебя всегда отличало живое воображение.

У Джоэля мгновенно запылали уши и перехватило горло, но ему не пришлось ничего отвечать, потому что в этот момент Калле заорал через открытую дверь:

- Эй, Лундмарк! Заканчивай копать, и пошли!

Джоэль пробормотал неслышное «до понедельника» в направлении Евы и вылетел вон из класса.

При виде Джоэля Калле улыбнулся:

— А тебе, оказывается, есть что обсудить с женщинами постарше...

— Захлопнись, — бросил Джоэль. Краснота вроде уже начинала сходить, дыхание восстановилось, и втайне он был даже благодарен Калле за то, что тот его спас.

Собственно говоря, они могли и не спешить. Была пятница, погода на улице стояла тёплая, солнечная, как в августе, а это означало, что часов в восемь вечера все подростки Уддвикена от тринадцати до семнадцати лет соберутся на холме перед ратушей. Сейчас часы только-только пробили три, и до вечера заняться было решительно нечем. В этой дыре уж точно.

Уддвикен — одно из тех местечек, где что-то случается раз в сто лет и больше никогда не повторяется. Когда рядом со старой рыбацкой деревушкой начала двадцатого века построили завод по производству рыбных консервов, то у здешнего населения появились работа, деньги и уверенность в будущем.

«Людам всегда будут нужны консервы», — решили местные жители и принялись один за другим брать большие займы на постройку новых зданий и расширение территорий, совсем не думая о том, что из прибрежных вод может исчезнуть рыба, вкусы людей могут измениться, а рыбные консервы начнут импортироваться из мест, где море теплее, а рабочая сила дешевле. Сейчас завод стоял закрытым, и город всем своим видом напоминал дряхлого старика, который с годами усох, но по-прежнему упрямо донашивал свой старый костюм, не замечая, что потёртый пиджак болтается на костлявых плечах, а мешковатые брюки едва держатся на талии.

Все пропорции здесь были неправильными: ворота — слишком широки, дома — слишком велики, а людей, чтобы заселить их, — слишком мало.

С одной стороны, помпезные виллы вдоль тенистых аллей свидетельствовали о благосостоянии местных жителей, но с другой — роскошные фасады были лишь кулисами,

за которыми скрывались ветхие лачуги, свалки металлолома на задних дворах и пришедшая в негодность рыбацкая флотилия из старых проржавевших лодок, стоявших в гавани и готовых затонуть в любой момент.

Как раз в гавань-то Джоэль с Калле и направились. Там можно было кидаться камнями в рыбацкие лодки. Бросали по очереди, и выигрывал тот, кто набирал больше очков.

Отскок камня от корпуса судна равнялся одному очку. Если удавалось попасть в проеденную ржавчиной дыру, то это давало пять очков. Встречались и те, кому удавалось попасть камнем в едва намечающееся пятнышко на ржавом борту и пробить в нём новую дыру. За это полагалось десять очков. И сто очков получал тот, чей камень пролетал насквозь через оба борта лодки и, вылетев с другой стороны, оставлял после себя не одну, а целых две новых дырки.

Джоэль никогда не видел, чтобы кому-то удался подобный трюк, но Калле утверждал, что его старшие братья проделывали такое, и не раз, когда были моложе. Пока Джоэль собирал пятиочковые броски, Калле делал ставку не на точность, а на силу, надеясь повторить невозможное. Заканчивалось это всегда тем, что Джоэль выигрывал.

Правда, в тот день они пробыли в гавани совсем недолго — уже на счёте 8–2 в пользу Джоэля ребята бросили игру и снова умчались.

Друзья отправились в центр и принялись бесцельно бродить по главной улице, которая пересекала четыре квартала и соединяла ратушу со школой. Ратуша принадлежала к новым постройкам, а школа оставалась тут ещё со старых времён. Ратуша была типичной современной дешёвкой, широкой и приземистой, в то время как школа выглядела будто настоящий старый массивный замок, который возвышался над этим городком и, казалось, врос

в него навеки. Между ратушей и школой располагался ряд мало-помалу закрывающихся магазинов и магазинчиков. Конкуренцию с супермаркетом выдерживала только пиццерия на четвертом километре шоссе, хотя там уже давно никто ничего не ел. Нет, заказать пиццу, конечно, всё ещё было можно, но тогда пришлось бы ждать как минимум полчаса, пока только духовку разогреют. Целью хозяев пиццерии стало не насытить желудки своих клиентов, а влить в них побольше пива, после которого посетителям оставалось только ползать по полу, соревнуясь с ковровым покрытием, кто из них больше провонял сигаретным дымом и жвачкой с ментолом.

Калле с Джоэлем решили было покрутиться около супермаркета, но тащиться на другой конец города, только чтобы висеть на перилах у входа и тупо пялиться на покупателей, бросавших на парковке тележки, замусоренные пакетиками от чипсов, не хотелось. Двор, где размещались курсы для педагогов, был ближе, но сегодня он пустовал — Джоэль это точно знал, потому что его мама там работала. Во дворе прямо в центре города находился особняк, который местные власти в девяностые годы переделали под гостиницу с конференц-залом. Когда выяснилось, что никто не хочет останавливаться в этой дыре, организации и общества самых разных направлений одно за другим начали появляться в здании несостоявшейся гостиницы, сменяя друг друга в бешеном темпе. Чего здесь только не было: процедурное отделение, место встречи приверженцев свободной церкви, трудовая терапия для хулиганов, заключающаяся в обучении их столярному мастерству и резьбе по дереву, и т.д. и т.п. Последние восемь лет в особняке размещались курсы по специальной педагогике: там готовили учителей, преподающих детям с ослабленным зрением. Мама Джоэля выполняла здесь всю техническую работу. Она сортировала квитанции,

бронировала места, раздавала учебные графики и меняла перегоревшие лампочки.

Когда курсы бывали полностью укомплектованы, дома у Джоэля весь день беспрестанно трезвонил телефон, и он частенько думал, что мамина работа заключалась только в том, чтобы неестественно бодрым голосом выдавать в трубку вещи вроде: «К сожалению, до ближайшего кинотеатра семьдесят километров. Вы посмотрите на книжной полке: там стоят несколько DVD-дисков».

(На книжной полке стояло пять DVD-дисков. И все негодные. Поцарапаны они были настолько, что ни один DVD-проигрыватель на свете не взялся бы их проиграть.)

«Я не смогу заказать это в ресторане...» (...читай — в пиццерии).

И наконец, особенно любимая Джоэлем фраза, всегда произносимая его мамой с одним и тем же отчаянным энтузиазмом: «Что я могу сказать о местах для прогулок? О-о, здесь есть множество живописных уголков».

(Впечатляет, а? Подтекст следующий: хотите гулять — гуляйте. Где? Да где угодно. И мама с чувством выполненного долга кидала трубку.)

Только одна вещь позволяла хоть как-то разнообразить скудный набор развлечений Джоэля и Калле. Для того чтобы будущие учителя могли влезть в шкуру своих подопечных и научились лучше их понимать, им надевали на глаза повязки, давали трости для слепых и посылали в город. Смотреть на тёток, забредавших на проезжую часть, спотыкавшихся о бордюры и врезавшихся в фонарные столбы, было распоследним развлечением, когда уж совсем было нечем заняться. (А впрочем, чем ещё заниматься в таком городишке, как Уддвикен?)

Чтобы сделать процесс более увлекательным, мальчишки придумали идти за тётками по пятам и совать им под ноги разные предметы. Когда какая-нибудь из них,